PG 3948
.S5 Z53
Copy 2

PG 3948
.S5 Z53
Copy 2

ВОСПОМИНАНІЯ

О

Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ

А. ЧУЖБИНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИМЪЕНА И КОМП.
1861.

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1918

Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

VOSPOMINANIIA

ВОСПОМИНАНІЯ

О

T. G. SHEVCHENKO

Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ

А. ЧУЖБИНСКАГО.

A. Chuzhbinskago

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Pg 3749
.S7Z53

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 мая 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ВОСПОМИНАНІЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Сонце гріе, вітеръ віе
Зъ поля на долину,
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калину;
На тій вербі одиноке
Гніздечко гойдае,
А де дівся соловейко —
Не питай — не знае.

Т. ШЕВЧЕНКО.

(*Кобзарь. На вічну память Котляревському*).

Какъ матеріялъ для біографіи Шевченка, я представляю эпизодъ моего съ нимъ знакомства въ то время, когда нашъ поэтъ былъ еще молодъ, кипѣлъ вдохновеніемъ, стремился къ самообразованію и, не смотря на грусть, постоянно щемившую его сердце наединѣ съ собою, увлекался еще порой и веселымъ обществомъ и сочувствіемъ, которое вызывалъ симпатичной своей личностью. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію моего знакомства съ Шевченкомъ, считаю необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на эпоху, близкую къ намъ, но почти перешедшую въ область исторіи, по тѣмъ совершившимся фактамъ, которые одинъ за другимъ вели наше общество къ развитію. Это было въ 1843 году. Находясь въ годовомъ отпуску въ Полтавской губерніи, я

ожидалъ отставки изъ военной службы, съ цѣлью заняться изученіемъ украинской народности, что̀ было завѣтной моей мечтой.

Въ то время паны наши жили, что называется, на широкую ногу и патріархальное гостепріимство не теряло ни одной черты изъ своего почтеннаго характера. Молодое поколѣніе было уже болѣе или менѣе образовано. Женщины высшаго сословія, собственно молодыя, всѣ уже были воспитаны въ институтахъ, пансіонахъ, или дома подъ надзоромъ гувернантокъ, и французскій языкъ не только не казался диковинкой, какъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но считался необходимой принадлежностью всякой образованной бесѣды. Говорили на немъ бѣгло и порядочно однѣ впрочемъ женщины, а кавалеры по бо̀льшей части не умѣли вести разговора на этомъ языкѣ, но каждый щеголь считалъ обязанностью пригласить даму на танецъ — непремѣнно по французски. Хотя у многихъ помѣщиковъ выписывались журналы т. е. «Библіотека» и «Отечественныя Записки», но критическія статьи Бѣлинскаго оставались неразрѣзанными, на томъ основаніи «что въ нихъ все начинается отъ Адама» и жадно читалась литературная лѣтопись Брамбеуса, приходившаяся по плечу большинству публики; заучивались наизустъ драматическія фантазіи Кукольника, и я зналъ одну очень милую барышню, которая могла проговорить безъ запинки всего Джакобо-Санназара. Богатые папы жили открыто, и было нѣсколько домовъ въ разныхъ пунктахъ, окруженные штатомъ прихвостниковъ, куда въ интимный кружокъ допускались лишь избранные; но въ извѣстные урочные дни и праздники стекалось до трехъ и четырехсотъ гостей изъ разныхъ концевъ Малороссіи. Тамъ помѣщики почерпали и новыя моды и обычаи, тамъ самый гордый богачъ своего околодка дѣлался «тише воды — ниже травы», потому что громадное богатство магната давило его своими размѣрами. Вельможный хозяинъ старался принимать всѣхъ одинаково, исключая двухъ, трехъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на равныхъ, и иногда, за обѣдомъ, для приведенія всѣхъ къ одному знаменателю, отпускалъ фразу въ родѣ слѣдующей:

— Напрасно NN взялся за это предпріятіе—оно ему не по силамъ. Жаль, онъ можетъ разориться, потому что, имѣя какихъ нибудь тысячу душъ, трудно будетъ ему выдержать.

И тотъ ежился, у кого было тысяча душъ, а у кого нѣсколько сотъ, тому оставалось только слушать подобострастно. Тогда еще у насъ сильно цѣнилось въ человѣкѣ богатство, и хоть оно цѣнится не менѣе и теперь, однако этого не выражаютъ такъ цинически и не говорятъ: «ты бѣденъ, такъ ступай къ порогу». Въ это блаженное время говорили и поступали иначе. Но у магнатовъ, какъ я уже сказалъ, всѣхъ принимали одинаково и не дѣлалось у нихъ, какъ у большинства при съѣздахъ, что однимъ гостямъ подавали хорошія иностранныя вина, а другимъ мѣстнаго уѣзднаго производства. Съѣзды эти преимущественно можно было назвать танцовальными, потому что нѣсколько дней сряду каждый день дамы наряжались по бальному, и плясъ продолжался до двухъ и трехъ часовъ за полночь. Львами баловъ обыкновенно бывали военные, да изрѣдка какой нибудь заѣзжій изъ столицы, который и пожиналъ лавры, и на котораго съ завистью посматривали самые отъявленные сердцеѣды.

Но въ то время уже, какъ отрадные оазисы, выдавались нѣкоторыя семейства съ новымъ направленіемъ, отличавшіяся и образованіемъ, и гуманностью. Ихъ было не много, но проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ, вы были увѣрены встрѣтить и умную бесѣду, и интересную книгу, поспорить не объ однѣхъ собакахъ и лошадяхъ, и услышать истинную музыку. Между женщинами этихъ семействъ начиналось стремленіе къ національной литературѣ; онѣ наперерывъ читали «Кобзаря» Шевченка, изданнаго въ Петербургѣ, и встрѣченнаго критикой единодушнымъ глумленіемъ. Что Украинки читали роднаго поэта—казалось бы дѣломъ весьма обыкновеннымъ и по видимому естественнымъ; но кто знаетъ строй тогдашняго общества, тотъ не можетъ не подивиться. Дѣти достаточнаго сословія, особенно дѣвочки, отъ кормилицы поступали или къ иностраннымъ нянькамъ, или къ такимъ, которыя говорили по русски, и каждое украинское выраженіе вмѣ-

нялось имъ въ проступокъ и влекло за собою наказаніе. Еще мальчики могли научиться по украински, но дѣвочкамъ предстояло много труда понимать «по мужицки», хотя ничто не мѣшало сохранять родной акцентъ и до глубокой старости. Въ то время, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которой дѣвицамъ читать не давали, на украинскомъ языкѣ были уже: повѣсти Квитки, Полтова и Приказки Гребенки, имѣлись вездѣ рукописныя сочиненія Гулака-Артемовскаго; но все это читалось какъ-то вяло высшимъ кругомъ. Появленіе «Кобзаря» мигомъ разбудило апатію и вызвало любовь къ родному слову, изгнанному изъ употребленія не только въ обществѣ высшаго сословія, но и въ разговорѣ съ крестьянами, которые старались, и конечно смѣшно, выражаться по великорусски. Смѣло могу сказать, что послѣ появленія «Кобзаря» большинство принялось за повѣсти Квитки. Въ 1843 году Шевченка уже знали украинскіе паны; для простолюдиновъ поэтъ и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, хотя всѣ произведенія его доступны крестьянину и доставили бы ему большое наслажденіе. Къ этому же году относится и первая моя встрѣча съ Шевченкомъ въ Полтавской губерніи. Былъ іюнь на исходѣ. На Петра и Павла въ одномъ старинномъ домѣ у Т. Г. В....ской съѣзжались помѣщики не только изъ Полтавской, но изъ Черниговской и даже изъ Кіевской губерніи, и празднество продолжалось нѣсколько дней. Домъ этотъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ; осьмидесятилѣтняя хозяйка его явленіе тоже невозможное въ настоящее время, и потому читатель не посѣтуетъ, если я очерчу слегка быть знаменитой нѣкогда Мосевки. 12 января день имянинъ хозяйки и 29 іюня, кажется, день имянинъ покойнаго В....го праздновались со всевозможною пышностью; и въ эти дни собиралось въ Мосевкѣ до 200 особъ, изъ которыхъ иные паны пріѣзжали въ нѣсколькихъ экипажахъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Все это нужно было размѣстить и продовольствовать. Въ послѣднее время хозяйка была почти слѣпая; страстная охотница до картъ, она уже не могла играть сама и только просиживала далеко за полночь возлѣ игравшихъ, услаждая слухъ свой пріятными игорны-

ми возгласами и утѣшаясь какимъ нибудь казусомъ. Старушка мало уже и помнила, зная только самыхъ близкихъ гостей, а о большой части посѣтителей, особенно изъ молодежи, никогда и не слыхала; она не входила ни во что, и пріемъ гостей лежалъ на обязанности экономки и дворецкаго. У послѣднихъ люди по-важнѣе пользовались еще вниманіемъ по преданію, но мы номады должны были размѣщаться по собственому разумѣнію и по утрамъ бѣгать въ буфетъ добывать съ боя стаканъ чаю или кофе. Разумѣется, четвертакъ или полтинникъ играли роль; но иногда гостей было такъ много, безпорядокъ доходилъ до такого хаоса, что и подкупленные лакеи ничего не могли сдѣлать для своихъ кліентовъ. Но эти житейскія неудобства выкупались разнообразнымъ и веселымъ обществомъ, которое съ утра собиралось въ гостиныхъ комнатахъ, гдѣ дамы и дѣвицы, одна передъ другой, щеголяли любезностью, красотою, изысканностью и роскошью туалета. Балы Т. Г. В—ой были для Малороссіи своего рода Версалью: туда везлись на показъ самыя модныя платья, новѣйшія фигуры мазурки, знаменитѣйшіе каламбуры, — и тамъ же бывалъ иногда первый выѣздъ дѣвицы, которая до того ходила въ коротенькомъ платьицѣ и кружевныхъ панталонцахъ. Тамъ завязывались сердечные романы, происходили катастрофы, провозглашалась красота и установлялась слава танцоровъ и танцорокъ. Да, подобные балы уже не повторяются, потому что теперь не много найдется охотниковъ ѣхать за полтораста верстъ съ семействами на трехдневный плясъ, да и врядъ ли отыщется помѣщикъ, готовый бросить нѣсколько тысячъ рублей на подобныя удовольствія. Огромная въ два свѣта зала едва могла помѣщать общество, хотя не малая часть гостей занимала другія комнаты и много мужчинъ играло въ карты по своимъ квартирамъ. Старинная мебель, цвѣты, прошловѣковыя зеркала и занавѣсы все это при освѣщеніи и новѣйшихъ костюмахъ, подъ звуки музыки, представляло необыкновенно интересный видъ.... И вдругъ среди толпы разряженныхъ дамъ и расфранченныхъ кавалеровъ является истопникъ въ простой крестьянской одеждѣ, въ дегтяныхъ сапогахъ, съ длинной кочергой, и рас-

талкивая раздушённую толпу, отправляется къ печкѣ, садится на паркетѣ на корточки и, помѣшивая головни, понюхиваетъ себѣ табакъ изъ рожка, вынутаго изъ-за голенища. Дождавшись флегматически времени, истопникъ полѣзетъ на лѣсенку, закроетъ трубу и, сложивъ на плечо свои доспѣхи, отправляется обратно тѣмъ же порядкомъ, не обращая вниманія на происходящее, какъ человѣкъ, добросовѣстно исполнившій свою обязанность. Зимніе балы были блистательны, но лѣтніе гораздо веселѣе, потому что послѣ танцевъ, на разсвѣтѣ, общество выходило на лужайку передъ домомъ, уставленную цвѣтами, гуляло по саду, и тутъ договаривались при блескахъ утренней зари тѣ рѣчи, которыя какъ-то замирали въ душной бальной атмосферѣ. Въ описываемое время встрѣтилъ я въ Мосевкѣ С. А. З — ую, которая тогда напечатала въ От. Зап. свою «Институтку» и затронула въ ней нѣсколько лицъ, обыкновенно посѣщавшихъ старуху В — ую. Она же сказала мнѣ, что ждали изъ Петербурга Гребенку, который, нѣтъ сомнѣнія, пріѣдетъ въ Мосевку. Съ Гребенкой мы были знакомы, какъ воспитанники одного заведенія, и хотя онъ вышелъ гораздо прежде меня, но мы жили съ нимъ на одной квартирѣ. Онъ тоже въ своихъ разсказахъ описалъ не одну личность изъ общества, собиравшагося въ Мосевкѣ. Въ особенности нападали они съ З—ой на одну барыню, —типъ уже исчезнувшій, извѣстную въ Малороссіи подъ именемъ всесвѣтней свахи.

Общество собралось многочисленное. По протекціи одного пріятеля я имѣлъ комнатку не уютную, но отдѣльную, такъ что, несмотря на неудобства, все таки я былъ помѣщенъ лучше многихъ. Помню, что послѣ шумнаго завтрака, я отправился къ себѣ покурить и почитать. Проходя мимо главнаго подъѣзда, я услышалъ голоса: «Гребенка! Гребенка» и остановился. Е. П. подъѣзжалъ къ крыльцу въ сопровожденіи незнакомца. Они вышли. Спутникъ его былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно я обратилъ на него вниманіе. Гребенка тотчасъ же поздоровался

со мною, взялъ за плечи и, толкнувъ на своего слутника, познакомилъ насъ. Это былъ Т. Г. Шевченко. Послѣдній зналъ меня по стихотворному посланію къ нему, напечатанному въ «Молодикѣ» и крѣпко обнялся со мною. Дорожнымъ надо было умыться и привести въ порядокъ костюмы. Я пригласилъ ихъ въ свою комнату. Гребенка скоро ушелъ внизъ, а Тарасъ Григорьичъ остался со мною. Я упомянулъ о своемъ стихотвореніи не изъ самолюбія, напротивъ, я считаю его слабымъ, но потому что это было первое печатное заявленіе сочувствія и уваженія Украинца къ народному поэту, и Шевченко нѣсколько разъ произнесъ мнѣ свое искренное «спасибі», которое, какъ извѣстно всѣмъ знавшимъ его близко, имѣло особенную прелесть въ устахъ славнаго Кобзаря. Но не долго мы разговаривали. Вѣсть о пріѣздѣ Шевченка мигомъ разлилась по всему дому, и квартира моя вскорѣ наполнилась почитателями, приходившими познакомиться съ роднымъ поэтомъ. Пришелъ и Гребенка и мы отправились въ залу. Всѣ гости толпились у входа и даже чопорныя барыни, которыя иначе не говорили, какъ по французски, и тѣ съ любопытствомъ ожидали появленія Шевченка. Поэтъ видимо былъ тронутъ блистательнымъ пріемомъ, и послѣ обычнаго представленія хозяйкѣ, которая рѣшительно не понимала кого ей представляли, Шевченко усѣлся въ кругу дамъ въ обществѣ С. Л. З — ой. Цѣлый день онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, за исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, которыя не признавали не только украинской, но и русской поэзіи, и бредили только Гюго и Ламартиномъ. Скоро Шевченко сдѣлался какъ свой со всѣми и былъ точно дома. Многія хорошенькія особы читали ему наизустъ отрывки изъ его сочиненій, и онъ въ особенности хвалилъ чистоту полтавскаго нарѣчія. Вліяніе этой чистой рѣчи отразилось на его послѣднихъ произведеніяхъ, а въ первыхъ замѣтно преобладаніе заднѣпровскаго говора. Послѣ ужина одна веселая мужская компанія увлекла Шевченка въ свои комнаты, куда услужливый буфетчикъ отпустилъ приличное количество увеселительныхъ напитковъ. Среди шумныхъ тостовъ и привѣтствій Тарасъ подсѣлъ ко мнѣ и сказалъ, что

онъ не надѣялся встрѣтить такого радушія отъ помѣщиковъ, и что ему очень нравились иныя «молодиці и дівчата». Вообще онъ былъ въ духѣ и не говорилъ иначе, какъ по украински.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ о небольшомъ кружкѣ, который овладѣлъ Шевченкомъ. Тѣсный кружокъ умныхъ и благородныхъ людей, преимущественно гуманныхъ и пользовавшихся всеобщимъ расположеніемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ собутыльниковъ, которые, не находя ли дѣятельности въ тогдашней средѣ, не успѣвъ ли отрѣшиться отъ юной разгульной жизни, единственнымъ наслажденіемъ находили удовольствіе похмѣлья и девизомъ своимъ избрали извѣстную латинскую пословицу «in vino veritas.» Слабость эта, извиняемая въ дворянскомъ быту, а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мѣшала однакоже членамъ упомянутаго кружка быть пріятными собесѣдниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечеромъ нализывались до того состоянія, когда языкъ прилипаетъ къ гортани и въ глазахъ двоятся предметы. Кружокъ этотъ носилъ названіе «общества мочемордія» вслѣдствіе того, что на языкѣ его не существовалъ глаголъ пьянствовать, а замѣнялся фразой «мочить морду», и каждый удалой питухъ назывался «мочемордой» или по крайней мѣрѣ имѣлъ право на это названіе. Въ противоположность—неупотребленіе спиртныхъ напитковъ называлось «сухомордіе или сухорыліе». Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. Въ награду усердія у нихъ существовали отличія: сивалдай въ петлицу, бокалъ на шею и большой штофъ черезъ плечо. Въ извѣстные дни, или просто при съѣздахъ, они совершали празднества въ честь Бахуса, и вотъ какъ сзывались мочеморды на эти празднества: басъ гудѣлъ: «ромъ! пуншъ! ромъ! пуншъ!», тенора подхватывали «полпиво! полпиво! глинтвейнъ! глинтвейнъ!» а дисканты выкрикивали: «бѣла, красна, сладка водка!» Великій магистръ произносилъ приличную рѣчь, и мочеморды предавались своимъ возліяніямъ. Всѣ горячіе напитки считались достойными, но существовало одно условіе, вслѣдствіе

котораго истый мочеморда, для поддержанія чести общества, не долженъ былъ употреблять простой водки, а непремѣнно настойку, если не дѣйствительную, то хоть прикрытую этимъ названіемъ. Такъ напр. въ случаѣ сильнаго недостатка мочеморда пилъ гривенниковку, т. е. простую водку, въ которую, за неимѣніемъ подъ рукою никакой спеціи, вбрасывался гривенникъ. Старѣйшиной тогда былъ В. А. З—ій, носившій титулъ высокопьянѣйшества и получившій большой штофъ черезъ плечо. Умный и благородный человѣкъ, гусаръ въ отставкѣ, З—ій цѣлый день бывалъ душею общества, и всѣ, кто слушалъ его разсказы о похожденіяхъ мочемордъ въ обоихъ полушаріяхъ, хватались за бока отъ смѣха, и въ тѣ минуты отъ него нельзя было оторваться. Съ крестьянами онъ обходился необыкновенно кротко и иначе не отзывался къ нимъ, какъ съ какою нибудь шуткой. Однажды при мнѣ гдѣ-то на балѣ, послѣ ужина пошли мы въ свои комнаты. З—ій горевалъ, что мало съѣхалось истинныхъ мочемордъ «все этакое сухорыліе» и собирался ложиться спать «чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!» Слуга его встрѣтилъ насъ шатаясь. З—ій расхохотался.

— Каковъ попъ таковъ и приходъ! проговорилъ онъ, и, доставъ изъ кармана полтинникъ, прибавилъ:—о! достойный сынъ Бахуса! ступай же и мочи морду до разсвѣта.

Это была чрезвычайная рѣдкость въ то время, когда иные помѣщики, пившіе безъ просыпу, строго наказывали людей, если послѣдніе хоть изрѣдка пробовали подражать господамъ своимъ.

Къ В. З—му сошлось нѣсколько истыхъ мочемордъ отпраздновать знакомство съ Шевченкомъ, и какъ все это были веселые, порядочные люди, то мы и остались пировать съ ними до разсвѣта.

Два дня пробыли мы вмѣстѣ съ Шевченкомъ въ Мосевкѣ и, разставаясь, дали слово другъ другу повидаться при первой возможности, указавъ разныя мѣстности, гдѣ располагали быть въ извѣстное время приблизительно. Заѣзжалъ онъ потомъ ко мнѣ, провожалъ я его къ общимъ знакомымъ,

и въ эти то поѣздки я успѣлъ поближе всмотрѣться въ эту интересную личность, о которой еще до появленія въ Малороссіи ходили разнорѣчивые слухи. Осторожный ли отъ природы или вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ молодости, сложившихся такой тяжелой долей, Шевченко при всей видимой откровенности не любилъ однакоже высказываться. Мнѣ какъ то удалось сразу подмѣтить эту черту, и я никогда не безпокоилъ его никакими вопросами, пока онъ самъ не начиналъ разговора.. Помню, однажды, осенью, у насъ въ домѣ, долго сидѣли мы и читали Dziady Мицкевича. Всѣ давно уже улеглись. Тарасъ сидѣлъ облокотясь на столъ и закрывъ лицо. Я остановился перевесть духъ и покурить. Только что я прочелъ сцену, когда Густавъ разсказывалъ священику свою послѣднюю встрѣчу съ милой.

— А що ти втомився и хочешь стать (*)? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, а хочу покурить.

— И справді. А знаешь що? можебъ выпить чаю! такъ ма буть хлопчикъ спыть уже сердешный (**).

— Развѣ-же и безъ него мы не съумѣемъ. Погоди я соберу припасы, поставимъ самоваръ.

— Отъ и добре! побрайся жъ ты тутечки, ая побіжу по воду до криниці (***).

— Вода есть, а на дворѣ слышишь какой вѣтеръ.

— Байдуже. Хочу пробігатись (****).

И Т. Г., отыскавъ ведро, пошелъ садомъ. Вскорѣ ко

(*) Шевченко со мной говорилъ всегда по украински и потому я иначе и не могу передавать его рѣчи. Для великорусскихъ читателей предлагаемъ переводъ:

«А что ты усталъ и хочешь спать?»

(**) И въ самомъ дѣлѣ. А знаешь что? Не напиться ли намъ чаю.. Только, я думаю, мальчикъ спитъ уже бѣдняжка.

(***) Вотъ и хорошо. Хлопчи же ты здѣсь, а я сбѣгаю за водой къ колодезю.

(****) Мнѣ все равно. Хочу пробѣгаться.

мнѣ донесся звучный его голосъ, напѣвавшій любимую тогда имъ пѣсню:

«Та нема въ світі гіршъ нікому
Якъ сироті молодому.»

Общими силами приготовили мы чай, и когда усѣлись за столъ, онъ, позабывъ о Мицкевичѣ, началъ мнѣ разсказывать все свое прошедшее. Лишнимъ будетъ говорить, что разсвѣтъ засталъ насъ за бесѣдой, и тогда только я вполнѣ понялъ Тараса. Но Шевченко уже разочаровался въ нѣкоторыхъ нашихъ панахъ и посѣщалъ весьма не многихъ. Не отсутствіе радушія или вниманія, не какое нибудь высокомѣріе оттолкнули его, а печальная власть бывшаго крѣпостнаго права, выражавшаяся въ той или другой неблаговидной формѣ, приводила эту благородную душу въ самое мрачное настроеніе. Хоть передъ нимъ вездѣ всѣ старались показывать домашній бытъ свой въ праздничномъ видѣ, однако трудно было обмануть человѣка, подобнаго Шевченку, который, выйдя самъ изъ крѣпостнаго сословія, очень хорошо зналъ кулисы и декораціи на сценѣ помѣщичьей жизни.

Мнѣ очень памятенъ одинъ случай. Въ уѣздномъ городкѣ Л...., не желая отстать отъ другихъ, одинъ господинъ пригласилъ Шевченка обѣдать. Мы пришли довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно по своему... не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ... Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался впослѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила не мало горя нашему поэту....

Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отравляла лучшія минуты.

Т. Г. изъ иностранныхъ языковъ зналъ одинъ лишь

польскій, и перечиталъ на немъ много сочиненій. Какъ нарочно въ то время я самъ прилежно занимался польской литературой и у меня собралось довольно книгъ и журналовъ. Въ ненастную погоду Шевченко не встаетъ бывало съ постели, лежитъ и читаетъ. Онъ не любилъ Поляковъ, но къ Мицкевичу чувствовалъ какое-то особенное влеченіе. Зная Байрона лишь по нѣсколькимъ русскимъ переводамъ, Т. Г. художническимъ чутьемъ угадывалъ великость міроваго поэта; но читая великолѣпные переводы Мицкевича изъ Байрона, онъ приходилъ всегда въ восторгъ въ особенности отъ «Доброй Ночи» изъ Чайльдъ-Гарольда. Дѣйствительно, пьеска эта не уступаетъ подлиннику и вылилась у поэта гармоническими и симпатичными стихами. Т. Г. долгое время любилъ повторять строфу:

Sam jeden błądząc po swiecie szerokim
Pędę życie tułacze,
Czegoż mam płakać za kim i po kim
Kiedy nikt po mnie nie płacze?

Нѣсколько разъ принимался онъ переводить лирическія пьесы Мицкевича, но никогда не оканчивалъ и разрывалъ на мелкіе куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой нибудь казался тяжелымъ или невѣрнымъ, Шевченко бросалъ и уничтожалъ всѣ предъидущія строфы.

— Мабуть сама доля не хоче, говаривалъ онъ, щобъ я перекладавъ лядські пісні (*).

Въ 1844 г. разстались мы на долго. Случай увлекъ меня на Кавказъ и Закавказье, гдѣ величественная природа и совершенно незнакомый край съ его дикимъ населеніемъ поглотили все мое вниманіе. Я не имѣлъ вѣстей о Шевченкѣ, но вездѣ, гдѣ находилъ нѣсколько Украинцевъ въ кругу-ли

(*) Вѣроятно, сама судьба не хочетъ, чтобы я переводилъ польскія пѣсни.

чиновниковъ или въ какомъ нибудь полку, вездѣ встрѣчалъ я истрепанные экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамакъ» и полное, искреннее сочувствіе ихъ автору.

По возвращеніи на родину, я встрѣтился съ Т. Г. въ уѣздномъ своемъ городѣ, чрезъ который онъ проѣзжалъ изъ Миргорода, гдѣ сошелся съ Л....мъ. Шевченко хлопоталъ о подорожной, и какъ время было послѣ полудня и всѣ городскія власти спали по обычаю послѣ обѣда, то и не представлялось возможности исполнить его желаніе. Полученіе подорожной дѣйствительно у насъ обставлено весьма стѣснительными формами для проѣзжаго. Я предложилъ Шевченку заѣхать ко мнѣ, погостить день, другой, а потомъ обѣщалъ доставить его куда надобно. Онъ спѣшилъ къ З...му, но тотчасъ же принялъ мое предложеніе и мы отправились въ Исковци. Т. Г. разсказалъ мнѣ, что сблизился съ В. А., который не сложилъ еще съ себя званія старшины общества мочемордъ и подвизался въ немъ съ успѣхомъ во славу Бахуса. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ множество анекдотовъ. Въ два дня Т. Г. прочелъ мнѣ нѣсколько своихъ сочиненій. Дивныя вещи были у Шевченка. Изъ большихъ въ особенности замѣчательны: Іоаннъ Гусъ, поэма и мистерія безъ заглавія. Въ первой онъ возвысился, по моему мнѣнію, до своего апогея, во второй, уступавшей Гусу по содержанію, онъ разсыпалъ множество цвѣтовъ чистой украинской поэзіи.....

Шевченко разсказывалъ мнѣ, что прочелъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности — не оставлялъ въ покоѣ ни одного Чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или другихъ мѣстахъ, у которыхъ распрашивалъ топографическія и этнографическія подробности.

Считаю обязанностью упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое освѣщаетъ съ чрезвычайно важной стороны личность Шевченка. Напечатано было его русское стихотвореніе «Тризна». Онъ нашелъ его у меня и засмѣялся своимъ симпатичнымъ смѣхомъ.

— Ты читавъ? спросилъ онъ, и на утвердительный мой отвѣтъ прибавилъ; отъ треба було выскочить якъ Пилипъ зъ конопель. Чому не писать, коли сверблятъ руки, а друкувать не годилось (*).

— Говоря правду ты лучше пишешь по нашему.

— Отъ спасибі! А де хто хотівъ одуритъ мене, зачепить, знаешь авторске самолюбіе, такъ я жъ и самъ бачу. Швець зной свое шевство, а у кравецтво не мішайся (**), прибавилъ онъ съ улыбкою.

Бросивъ книгу, онъ улегся на кровать.

— Нехай ему цуръ! Ось сядь лишъ, та роскажи мині про Кавказъ и про Черкесівъ (***).

Долго мы бесѣдовали о горцахъ; его все занимало, онъ разспрашивалъ о малѣйшихъ подробностяхъ тамошняго быта. Потомъ мы мечтали о поѣздкѣ по Днѣпру въ дубѣ на Запорожье, потомъ до Лимана, поискать остатковъ старины, исчезающихъ уже отъ изслѣдователей; но какъ у насъ у обоихъ не хватало средствъ, то мы и откладывали это до болѣе благопріятнаго времени.

Зимой мы съѣхались у З—кихъ. Шевченко былъ у нихъ какъ свой и съ удовольствіемъ проживалъ въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Иногда съѣзжались къ В. А. нѣкоторые поклонники Бахуса и совершались знаменитыя празднества. Но Т. Г. любилъ и женское общество, нерѣдко просиживалъ въ гостиной у хозяйки въ дружескомъ кружкѣ, весело болтая, слушая музыку, или звучнымъ своимъ голосомъ распѣвая заунывныя украинскія пѣсни. Никакія тогда усилія поклон-

---

(*) Надобно же было выскочить какъ Филиппу изъ конопли (народ. поговорка). Отчего не писать, если чешутся руки, но печатать не слѣдовало.

(**) Благодарю. А кое кто хотѣлъ обмануть меня, знаешь, зацѣпить авторское самолюбіе, но я же и самъ вижу. Сапожникъ знай свое ремесло и не мѣшайся въ портняжество.

(***) Богъ съ нимъ! Садись лучше до разскажи мнѣ про Кавказъ и про Горцевъ.

никовъ Бахуса не въ состояніи были его отнять у насъ, и кончалось тѣмъ, что В. А. съ товарищими приходилъ изъ флигеля и всѣ вмѣстѣ мы просиживали далеко за полночь. Однажды мы собрались къ роднымъ З—ихъ, верстъ за десять. Время прошло незамѣтно. М. А. превосходно играла Шопена, С. А. разсказывала занимательные эпизоды изъ прежняго быта украинскихъ пановъ. Т. Г. былъ веселъ и разговорчивъ. Давно уже повечерѣло, мы начали собираться въ обратный путь. Горничная объявила, что расходилась мятель. По обычаю насъ начали удерживать, но молодыя спутницы наши рѣшились ѣхать тѣмъ болѣе, что дорога знакомая, лошади отличныя, да и мятель, по видимому, не могла въ часъ времени разыграться до такой степени, чтобы уничтожить слѣдъ. Призвали кучера и тотъ съ своей стороны ободрилъ и сказалъ, что въ случаѣ необходимости—онъ не пожалѣетъ лошадей и доставитъ насъ въ полчаса на мѣсто. В. А. тотчасъ же сдѣлалъ свое распоряженіе. Онъ попросилъ бутылку рому и предложилъ Т. Г. распить ее на всякій случай: во-первыхъ для сохраненія подолѣе теплоты, если бы пришлось сбиться съ дороги, во–вторыхъ съ цѣлью поскорѣе уснуть и не чувствовать никакихъ непріятностей. Но Шевченко не внялъ убѣжденіямъ пріятеля и не исполнилъ его желанія. Тогда В. А, осушивъ ромъ во славу Бахуса, завалился въ свою кибитку и пожелалъ всѣмъ намъ покойной ночи. Мы размѣстились въ саняхъ съ барынями и выѣхали за ворота. Разыгрывалась степная мятель, не та, которая, осыпая снѣгомъ сверху, залѣпляетъ глаза, но не шибко заметаетъ дорогу, а самая страшная, низовая, которая, вырывая снѣгъ съ земли, крутитъ его въ воздухѣ, и съ визгомъ и какимъ-то воемъ носится надъ обширной степью. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже не видѣли огней усадьбы. Лошади сперва бѣжали бодро, но скоро кучеръ извѣстилъ, что мы сбились съ дороги, и когда мы раздумали поворотить назадъ, то никто не зналъ какое принять направленіе. Морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ измѣнялся безпрерывно. Дамы не много трухнули, тѣмъ болѣе, что въ это время по степямъ обыкновенно рыскаютъ стаи волковъ, а нѣсколько дней назадъ, какъ нарочно, мы провели вечеръ въ разсказахъ о подоб-

ныхъ приключеніяхъ. Дѣлать было нечего; рѣшились пуститься на волю судьбы съ надеждой, что прибьемся куда нибудь, если не заберемъ вправо отъ почтовой Кіевской дороги. Кучеръ нашъ ѣхалъ небольшой рысью; В. А., уснувшій въ своей кибиткѣ, не слыхалъ ничего происходившаго, а его возница старался только не отстать. Мятель усиливалась. Мы съ Т. Г. предлагали дамамъ обычное средство пристать у какой нибудь скирды сѣна, развесть огонь и грѣться до утра; но дамы и слышать не хотѣли, надѣясь, что какъ нибудь добьемся. При свѣтѣ спички, которую удалось мнѣ зажечь въ шапкѣ, посмотрѣлъ я на часы. Было за полночь. А мы выѣхали часовъ около 7.... и ни признака жилья, ни собачьяго лая, столь отраднаго путнику, сбившемуся съ дороги.

Дамы начали было ободряться при мысли, что одѣтые тепло, мы не замерзнемъ, что съ полуночи волки не такъ уже бродятъ, и мало по малу пошли разсказы. Т. Г. запѣлъ «Ой не шуми луже!» мы начали ему вторить.... Но тутъ ураганъ разразился съ ужасной силой, лошади остановились, пѣсня наша замолкла, и вой порыва, пронесшагося мимо, показался намъ воемъ голодныхъ волковъ. Кибитка В. А. чуть не наѣхала на насъ. Лошади ни съ мѣста. Мы врѣзались въ сугробъ, какіе обыкновенно образуются во время мятели по низменностямъ. Общими силами вытащили мы санки и снова поѣхали шагомъ.

— А що, Тарасе? спросилъ я, усаживаясь весь въ снѣгу на свое мѣсто.

А онъ въ отвѣтъ запѣлъ мнѣ строфу изъ запорожской пѣсни.

Ой которі поспішали, —
Ті у Січи зімували,
А которі зоставали, —
У степу пропадали.

Отчаяніе начало овладѣвать нашими спутницами, и много надо было усилія Шевченку успокоить ихъ. Онъ началъ импровизировать «Мятель» и сложилъ нѣсколько строфъ, которыя однакоже разнеслись вслѣдъ за порывами бури, по-

тому что впослѣдствіи ни онъ, ни мы не могли ихъ вспомнить. Кажется, что у меня уцѣлѣли нѣкоторые отдѣльные стихи, но не привожу изъ боязни, чтобы не вмѣшалась какая нибудь строчка собственнаго сочиненія. Знаю только, одинъ куплетъ выражалъ мысль, что козакамъ и умирать было бы хорошо въ обществѣ такихъ милыхъ спутницъ.

Мы подавались впередъ, рѣшительно не зная направленія, но чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большей надеждой на спасеніе, потому что близко было къ разсвѣту.... Наконецъ дамы наши усмотрѣли въ сторонѣ огонекъ.... Кончено; спасены. Кучеръ пріударилъ лошадей, которыя, почуявъ близость отдыха и корма, не смотря на изнуреніе, пустились бѣжать рысью, и скоро мы выбрались къ постоялому двору на почтовой Кіевской дорогѣ. Весь фасадъ былъ освѣщенъ, въ окнахъ мелькали тѣни, за воротами слышались возгласы суетившихся извощиковъ. Хотя до дому оставалось не далеко, но мы рѣшились отдохнуть часа два на постояломъ. Рыцарь большаго штофа спалъ какъ убитый и изъ кибитки его раздавался богатырскій храпъ, который звукоподражалъ завыванію бури разными голосами. В. А. едва разбудили, а когда онъ ввалился къ намъ въ теплую комнату, то усердно смѣялся, узнавъ, какъ долго мы блуждали и остроумно началъ доказывать, что нѣтъ ничего на свѣтѣ блаженнѣе мочемордія. Скоро представился ему еще случай привести одно доказательство. Когда перезябшія дамы попросили чаю, на постояломъ дворѣ не оказалось его, потому что хозяинъ держалъ только самоваръ, предоставляя проѣзжимъ возить съ собою припасы; за то водки было сколько угодно. Но я досталъ чаю у какой-то проѣзжей барыни, которой разсказалъ наше приключеніе, и два часа, проведенные нами до разсвѣта въ корчмѣ, принадлежатъ къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Мы ихъ вспоминали не разъ съ Шевченкомъ.

Но сошлись мы съ Т. Г. тѣснѣе въ 1846 г. Однажды неожиданно заѣхалъ онъ ко мнѣ передъ масляницей — блѣдный и съ обритою головою по случаю недавней горячки. Тогда онъ постоянно носилъ черную бархатную шапочку. Я и не зналъ, что онъ больной въ нѣсколькихъ верстахъ лежалъ въ П. уѣздѣ. Во время болѣзни Шевченко написалъ много стихо-

твореній. Въ этотъ и послѣдній разъ—онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Исковци съ цѣлью пригласить меня сопутствовать ему по Малороссіи: онъ располагалъ срисовыть древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ, а для меня какое бы то ни было путешествіе сдѣлалось необходимостью. На этотъ разъ мы разсчитывали ѣхать въ Черниговъ на короткое время, а оттуда въ Кіевъ. Мы тотчасъ же составили планъ отправиться въ Л. на ярмарку, потомъ посѣтить Нѣжинъ, дорогой для меня по воспоминаніямъ. Въ Л. съѣхалось много помѣщиковъ, приглашеніямъ не было конца, но мы отдѣлались и выѣхали прямо въ Нѣжинъ, который тоже развернулся на масляницѣ. Но здѣсь я не могу не занести одного факта. Въ то время какъ въ Пр... перепрягали намъ лошадей — это было ночью — въ сосѣдней улицѣ случился пожаръ. Горѣла убогая лачужка. Народъ сбѣгался, но тушили и помогали преимущественно Евреи, потому что въ лачугѣ жилъ ихъ единовѣрецъ. Мы прибѣжали на пожаръ въ свою очередь, и Т. Г. бросился спасать имущество погорѣльцевъ. Онъ на равнѣ съ другими выносилъ разный хламъ и по окончаніи держалъ рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ то неохотно дѣйствовало на томъ основаніи, что «горѣлъ жидъ.» При всей нелюбви своей къ этому племени, что неудивительно было тогда не только въ простомъ Украинцѣ, слышавшемъ еще отъ живыхъ свидѣтелей о поступкахъ Евреевъ за Днѣпромъ, но и въ высшихъ классахъ общества, Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ.

Пріѣздъ Шевченка въ Нѣжинъ не могъ остаться тайною. Двери наши не затворялись; въ особенности насъ посѣщали студенты и въ числѣ ихъ Н. В. Гербель, бывшій тогда въ послѣднемъ курсѣ. Въ четвергъ мы отправились въ собраніе. Тутъ случилось маленькое происшествіе. Кто-то изъ начальствующихъ лицъ не хотѣлъ было впустить Шевченка на томъ основаніи, что послѣдній былъ въ бархатной шапочкѣ, но щекотливому сему мужу объяснили, что Т. Г, въ какомъ бы ни былъ костюмѣ — дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ.

Поэтъ много смѣялся этому приключенію. На другой день мы все разъѣзжали по гостямъ, и тогда же онъ написалъ Гербелю въ альбомъ четыре стиха изъ одной своей пьесы:

За думою дума роемъ вылітае,
Одна давить душу, друга роздирае,
А третяя тихо, тихесенько плаче,
У самому серці, може й Богъ небачить.

Надобно сказать, что Шевченко кромѣ полнѣйшаго безкорыстія—не любилъ и даже боялся всевозможныхъ денежныхъ разсчетовъ, и если ему случалось сходиться съ кѣмъ нибудь и быть нѣкоторое время вмѣстѣ, — онъ отдавалъ товарищу свои деньги и просилъ избавить его отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. Когда мы выѣхали изъ Л. онъ отдалъ мнѣ свою кассу, которая, какъ и моя, была не въ блистательномъ положеніи, но при умѣренной жизни намъ должно было хватить денегъ по май мѣсяцъ. Признаюсь, что я и самъ небольшой мастеръ обращаться съ деньгами, но какъ то болѣе Шевченка боялся за истощеніе нашихъ средствъ, и потому, принявъ на себя казначейскую обязанность, началъ нѣкоторымъ образомъ скупиться, въ особенности не выходить изъ бюджета, составленнаго на масляничныя увеселенія. Тарасъ одобрилъ мой планъ, и мы жили довольно разсчетливо по нашему крайнему разумѣнію. Какъ теперь помню, проснулись мы въ субботу довольно рано, и пока не являлись гости и намъ не предстояло еще отправляться къ знакомымъ, я хотѣлъ пойдти въ лавки купить нѣкоторые припасы, потому что мы рѣшились выѣхать послѣ бала въ Черниговъ и такимъ образомъ заключить масляницу. Выходя изъ дому, я просилъ Шевченка приготовить чай.

— Не хочецця мині уставать, проговорилъ онъ—щось я утомився, такъ бы и кабанувавъ цілісенькій день. Нехай приносять самоваръ, а прийдешъ самъ и зробишъ чаю (*).

Я согласился и вышелъ.

(*) Не хочется мнѣ вставать: что-то утомился я, такъ и валялся бы цѣлый день. Пусть приносятъ самоваръ, а придешь, самъ приготовишь.

Возвращаюсь минутъ черезъ двадцать. Т. Г. былъ одѣтъ. За столомъ сидѣлъ какой-то юнкеръ, пилъ чай и подливалъ себѣ въ стаканъ рому изъ графинчика, поданнаго услужливымъ номернымъ.

— Отъ намъ Богъ и гостяославъ, сказалъ мнѣ Шевченко.

Юнкеръ счелъ нужнымъ мнѣ отрекомендоваться. Къ намъ часто являлись посѣтители, но при взглядѣ на послѣдняго у меня возникло какое-то темное подозрѣніе, что посѣтитель этотъ былъ привлеченъ не собственно желаніемъ познакомиться съ украинскимъ поэтомъ, а съ другой цѣлью. Но я старался быть какъ можно привѣтливѣе. Юнкеръ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ давно уже извѣстныхъ, и когда не оказалось болѣе рому, онъ громко кликнувъ номернаго, приказалъ подать еще графинчикъ. Мнѣ это не понравилось, и смущалъ меня не лишній полтинникъ, но перспектива сообщества съ непзвѣстнымъ господиномъ, который съ окончаніемъ второй порціи рома могъ сдѣлаться невыносимымъ. Напившись чаю, юнкеръ отозвалъ Шевченка въ сторону и что-то шепталъ минуты двѣ, потомъ раскланялся и вышелъ.

— Дай мині три карбованця, (рубля) сказалъ мнѣ несмѣло Тарасъ, смотря на меня съ своей добродушной улыбкой, и по лицу видно было, что онъ готовъ разсмѣяться.

— Вѣроятно тому? спросилъ я тихо, указывая на дверь.

Онъ махнулъ рукою. Я досталъ денегъ. Шевченко взялъ шапку и вышелъ. Возвратясь, онъ разсказалъ мнѣ, что юнкеръ, войдя къ намъ въ № и отрекомендовавшись, признался ему, что проигралъ казенныя деньги и просилъ одолжить ему пять рублей, не пополнивъ которыхъ, онъ могъ ожидать большихъ непріятностей. Т. Г. по мягкосердію тронулся его положеніемъ какъ молодаго мальчика и обѣщалъ помочь, пригласивъ напиться чаю. Но когда гость, осушивъ графинчикъ рому, потребовалъ другой, то, не смотря на это похвальное служеніе Бахусу, Тарасъ рѣшился уменьшить пожертвованіе и далъ три рубля, примолвя мнѣ только шутливо, чтобъ я не разсказалъ В. А. З—му, который могъ обидѣться за такое равнодушіе къ истинному мочемордію. Онъ никогда не отказывалъ просящимъ, и бывали вре-

мена, когда у насъ общій капиталъ понижался до нѣсколькихъ гривенъ, Т. Г. бралъ всегда мелкую монету для раздачи милостыни. Участье къ нуждамъ и бѣдѣ другихъ приводило его иногда къ самымъ наивнымъ сценамъ, и это еще болѣе располагало каждаго къ его личности. Иногда впрочемъ послѣ наглаго обмана, вытаскивавшаго у него послѣднія деньги, онъ сердился и давалъ слово быть осмотрительнѣе; но какая нибудь новая попрошайка, искусно скорченная мина, жалобный голосъ, и Тарасъ не выдерживалъ. Разумѣется, уважая подобное направленіе, я никогда не говорилъ ему объ этомъ, потому что не производить же слѣдствія—стоитъ или не стоитъ подать милостыню; но многіе знакомые изъ участія совѣтовали Шевченку беречь свои финансы.

— Я и самъ знаю, отвѣчалъ онъ, та нехай лучше тричі одурять мене, а все таки у четверте подамъ тому, хто справді не бачивъ може шматка хліба (*).

Мы въ Нѣжинѣ не скучали, но, не смотря на всеобщее радушіе, на присутствіе прелестной М. С. К., извѣстной тогда красавицы въ Малороссіи, кружившей всѣмъ головы, рѣшились оставить городъ, въ которомъ не было дѣла, и поселиться въ Черниговѣ, гдѣ имѣлись въ виду интересныя древности. Послѣ бала, въ субботу, полусонные выѣхали мы изъ Нѣжина и прибыли на другой день подъ вечеръ въ Черниговъ. Надремавшись въ дорогѣ, мы уже не ложились спать, а пообѣдавъ, отправились въ благородное собраніе, гдѣ съ утра еще собрались на folle journée. Намъ чрезвычайно интересно было войдти въ общество, гдѣ не предвидѣлось ни души знакомой, и Тараса въ особенности занимала мысль—не пристанетъ ли къ нему кто нибудь за шапочку. Никто однакоже не пристадъ, я неожиданно встрѣтилъ двухъ старыхъ товарищей, и скоро вѣсть о Шевченкѣ разошлась по залѣ. Но Т. Г., познакомясь съ нѣсколькими своими почитателями, вскорѣ уѣхалъ, и они гдѣ-то провожали масля-

(*) Я самъ знаю, но пусть лучше три раза обманутъ меня, а все таки въ четвертый подамъ тому, кто дѣйствительно не видалъ, можетъ быть, куска хлѣба.

ницу. Я оставался въ собраніи до конца. Общество было не большое, но пріятное, за исключеніемъ немногихъ личностей, которыя обыкновенно водятся во всѣхъ городахъ и служатъ необходимой принадлежностью каждаго собранія. На другой день я проснулся первый, не думая будить товарища, сдѣлалъ себѣ чаю и не помню уже отчего—мнѣ пришла фантазія описать въ стихахъ вчерашній балъ, давъ названіе цвѣтовъ и растеній всему прекрасному полу. Когда проснулся Шевченко и я прочелъ ему свое стихотвореніе, оно понравилось ему до того, что заставивъ меня повторить, онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу, взялъ карандашъ и на поляхъ сдѣлалъ иллюстрацію, сколько могъ запомнить иную личность. Разумѣется, сходства не было, потому что въ часъ времени не могъ же онъ разглядѣть незнакомыхъ физіономій; но было много комизма въ фигурахъ иныхъ растеній, особенно смѣшно вышли — капуста, піонъ, морковь и т. п. Т. Г. необыкновенно усердно занялся дѣломъ и принялъ его близко къ сердцу.

— Ось знаешъ що, сказалъ онъ, ось перепиши—лишень на чисто и зоставь мині більшъ місця—я горненько иллюструю (*).

Пока онъ пилъ чай, я переписалъ стихотвореніе, а къ обѣду была готова мастерская иллюстрація, которая долго сохранялась у меня, но въ прошломъ году утрачена вмѣстѣ съ другими интересными для меня бумагами.

Проведя вечеръ у новыхъ знакомыхъ, Шевченко на другой день поѣхалъ въ Троицкій монастырь къ преосвященному просить позволенія срисовать древнюю утварь, но скоро возвратился, получивъ разрѣшеніе приступить съ четверга—непомню уже вслѣдствіе какой причины. Насъ посѣтили нѣсколько человѣкъ, и одинъ изъ нихъ, замѣтивъ уголокъ иллюстрированнаго бала, вытащилъ его изъ подъ бумагъ и прежде чѣмъ я успѣлъ замѣтить это—началъ читать вслухъ. Скрываться не предстояло возможности. Въ стихотвореніи не имѣлось ничего оскорбительнаго, а тѣмъ болѣе не было

(*) Знаешь ли что, перепиши-ко на бѣло, да оставь мнѣ побольше мѣста,—я хорошенько иллюструю.

выставлено ни одного имени, при томъ же въ концѣ второй недѣли мы собирались выѣхать изъ Чернигова, и волей неволей нѣсколькимъ человѣкамъ сдѣлались извѣстными наши невинныя продѣлки. Разумѣется, все находили забавнымъ, кое-что вѣрнымъ, въ особенности хвалили мастерской карандашъ, и тутъ же мы узнали многія интересныя подробности. Т. Г. напомнилъ однакоже посѣтителямъ украинскую пословицу «своя хата покришка», которой есть равносильная и на русскомъ: «изъ избы сору невыносить». Намъ дали слово. Подъ вечеръ къ намъ заѣхалъ одинъ изъ этихъ господъ и убѣдительно началъ просить позволенія взять на полчаса листокъ съ тѣмъ, что кромѣ его жены никто не увидитъ. Мы подумали; потомъ, рѣшивъ, что намъ, какъ перелетнымъ птицамъ, черезъ нѣсколько дней приходилось оставить городъ, можетъ быть, и навсегда, рискнули исполнить желаніе добраго человѣка, показавшаго такое расположеніе и хлопотавшаго объ облегченіи приступа къ занятіямъ для Шевченка. Я отдалъ листокъ.

— А вінъ збреше, сказалъ мнѣ Тарасъ по уходѣ посѣтителя, не самій тільки жінці вінъ іого покаже... Та дарма! (*).

Дѣствительно, онъ не ошибся. Листокъ былъ возвращенъ намъ уже на другой день, побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ и произведя противоположные эффекты, какъ и надо было ожидать. О послѣдствіяхъ мы скоро были извѣщены, и Т. Г. такъ смѣялся, какъ я рѣдко помню.

— Буде тобі, говорилъ онъ мнѣ, якъ росходятця морква та капуста.

Надобно же было случиться, что въ Черниговѣ, во-первыхъ, нашлось довольно древностей, которыя нужно было срисовать, во-вторыхъ, Шевченко получилъ просьбы снять нѣсколько портретовъ. Такимъ образомъ неожиданно остались мы въ городѣ, въ которомъ по нескромности одного индивидуума, часть общества была вооружена противъ насъ и хотя, повторяю, ни въ стихотвореніи, ни въ иллюстраціи небыло ничего оскорбительнаго, однако положеніе наше не могло назваться спокойнымъ, если принять во вниманіе, что

(*) А онъ солжетъ и покажетъ не одной только своей женѣ. Ну да ничего.

въ небольшомъ городѣ все общество постоянно собиралось вмѣстѣ. Сперва мы рѣшились было жить анахоретами, но приглашенія были такъ искренны и въ нѣкоторыхъ домахъ принимали насъ такъ радушно, что, очертя голову, мы начали появляться въ черниговскомъ свѣтѣ. Въ двухъ домахъ въ особенности часто собирались—у губернатора и губ. предводителя, гдѣ насъ окружали всевозможнымъ вниманіемъ и гдѣ дѣйствительно радушіе и безцеремонный пріемъ всѣхъ и каждаго—были первымъ и главнымъ условіемъ. Небольшой кружокъ былъ оживленъ присутствіемъ пріѣзжаго изъ Петербурга кн. У—ва, который умѣлъ расшевелить провинціальное общество,—и вечера проходили чрезвычайно пріятно. Предоставляю читателю судить о положеніи нашемъ съ Шевченкомъ, когда волей-неволей, представленные нѣкоторымъ изъ цвѣтковъ и растеній, игравшихъ не блистательную роль въ нашемъ иллюстрированномъ стихотвореніи, мы должны были играть съ ними въ petits jeux и выдерживать легкіе намеки не весьма пріятнаго для насъ свойства. Это было однакожъ ничего; но намъ жутко пришлось отъ двухъ сестеръ, которыхъ назвалъ я тепличными высокомѣрными розами, и которыя, къ стыду моему, оказались милыми и образованными дѣвушками. Обладая тактомъ и по совѣту матери, онѣ не только не показывали вида недовольства отъ нашей шутки, напротивъ обращались съ нами ласково и съ необыкновенной любезностью. Возвратясь какъ-то домой съ одного очень пріятнаго вечера, Шевченко началъ, раздѣваясь, молча ходить по комнатѣ и на вопросъ мой — что съ нимъ? отвѣчалъ:

— Лучче бъ этті дівчата вилаяли насъ на усі бокі. (*)

И мы послѣ небольшаго совѣщанія рѣшились ѣхать къ этому семейству и чистосердечно покаяться въ своемъ прегрѣшеніи. Но по странному настроенію судьбы, мать этого семейства предупредила насъ и прислала просить Тараса и меня пріѣхать къ ней запросто обѣдать. Шевченко получилъ заказы сдѣлать портреты обѣихъ барышень, и всѣ непріязненныя отношенія были кончены.

(*) Лучше эти дѣвушки выбранили бы насъ, какъ знали.

Въ это же время познакомился съ нами и бывалъ у насъ С. С. Гребмека, тогда еще подпоручикъ какого-то пѣхотнаго полка. Окончивъ занятія въ Черниговѣ, Т. Г. уѣзжалъ къ дружески знакомому семейству Л.... въ Седневъ, гдѣ и работалъ, а я оставался въ Черниговѣ и собиралъ по окружностямъ этнографическія замѣтки. Потомъ я заболѣлъ. Шевченко пріѣхалъ и прожилъ со мною, пока мнѣ сдѣлалось лучше. Тогда же онъ снялъ съ меня превосходный портретъ карандашемъ, и снова отправился въ Седневъ, а я послѣ Ѳоминой уѣхалъ въ Кіевъ. У меня въ тетради осталась пѣсня, написанная его рукою. Она напечатана въ 3-мъ номерѣ «Основы», но уже по другой редакціи. Вотъ какъ вылилась она у Шевченка:

Не женися на багатій
Бо вижене зъ хаты,
Не женися й на убогій,
Бо не будешъ спати.
Оженись и вольній волі
На козацькій долі —
Яка буде, така й буде —
Чи гола, то й гола.
Та ніхто не докучае
И не розважае,
Чого болить и де болить
Ніхто не спитае...
У двохъ кажуть и плакати
Мовъ лечше ніначе, —
Не потурай! легше плакать
Якъ ніхто небачить.

Когда Шевченко возвратился изъ Седнева, мы встрѣтили его стараго товарища, художника Сажина и скоро поселились всѣ вмѣстѣ на Крещотикѣ, въ улицѣ, называемой «Козине Болото».

Здѣсь началась новая жизнь съ чрезвычайно-поэтической обстановкой. Шевченко задумалъ снять всѣ замѣчательные виды Кіева, внутренности храмовъ и интересныя окрестности. Сажинъ взялъ на себя нѣкоторыя части, и оба художника пропадали съ утра, если только не мѣшала погода. Я

отправлялся то къ знакомымъ профессорамъ, то розыскивалъ старинныя книги, то ходилъ на Днѣпръ къ рыбакамъ и ѣздилъ на лодкѣ, то искалъ интересныхъ встрѣчъ съ богомольцами, которыхъ десятки тысячъ стекаются въ Кіевъ лѣтнею порою. Ничего не бывало пріятнѣе нашихъ вечеровъ, когда, возвратясь усталые домой, мы растворяли окна усаживались за чай и передавали свои дневныя приключенія. Когда Шевченко рисовалъ внутренность коридоровъ, ведущихъ въ ближнія и дальнія пещеры, я сопутствовалъ ему съ цѣлью изучить любопытныя группы нищихъ, занимавшихъ иногда большую половину коридоровъ и имѣвшихъ какъ бы свои привилегированныя ступеньки. При странномъ освѣщеніи, въ которомъ полумракъ галерей, обсаженныхъ деревьями прерывался вдругъ потокомъ свѣта и яркій треугольникъ прорѣзывалъ наискось часть коридора, группы калѣкъ съ оригинальными лицами, съ лохмотьями и умоляющими голосами — этимъ особеннымъ нищенскимъ речитативомъ—представляли чрезвычайно своеобразное зрѣлище. Нѣсколько мѣдныхъ грошей пріобрѣтали намъ расположеніе этой шумной и оборванной толпы, въ голосѣ которой, мимо грязи, отвратительнаго уродства, иногда пріобрѣтеннаго нарочно изъ корысти, мимо порочныхъ наклонностей, встрѣчались индивидуумы, драгоцѣнные для художника и вообще для наблюдателя. Но извлекать пользу изъ встрѣчъ съ жалкимъ человѣчествомъ, надо было умѣючи. У нищихъ существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали свои ассоціаціи, и въ извѣстномъ кружкѣ все зависѣло отъ атамана или старшины, который обращался деспотически съ своими собратами. Одинъ слѣпой старикъ звѣрскаго вида, но умѣвшій скорчить самую постную физіономію, гудѣвшій какъ бочка въ минуты гнѣва и чуть не пищавшій, когда канючилъ у прохожихъ, — предводительствуя небольшой толпой нищихъ, больно колотилъ ихъ огромной палкой, не разбирая праваго и виноватаго. Особенно это случалось въ тѣ часы, когда отойдутъ обѣдни, а до вечерень еще времени много. Мы, бывало, часто спрашиваемъ у нищихъ, зачѣмъ они терпятъ такого забіяку, но намъ отвѣчали: пусть уже дерется, не долго осталось, на Моковея (1 августа), выберемъ другаго. Атаманъ

этотъ, по словамъ его товарищей, негодился въ городѣ, но въ деревняхъ съ нимъ было любо, потому что онъ имѣлъ обширное знакомство. Тараса поразила его физіономія, и онъ снялъ съ него портретъ. Но дѣйствительно, лицо это было исполнено такой подлости и отверженія, что Шевченко, минутъ черезъ пять по окончаніи, разорвалъ его на части.

— Се такий супесъ, что за шага́ заріже чоловіка, дарма́ що сліпий (*).

Онъ много набрасывалъ фигуръ, и я не знаю, куда дѣвались эти очерки.

По временамъ однакожъ на Шевченка нападала лѣнь, и онъ такъ бывалъ радъ дождливымъ днямъ, что не вставалъ съ постели и читалъ или новые журналы, или необходимыя ему историческія сочиненія, доставать которыя лежала обязанность на мнѣ. Но случалось, что онъ пропадалъ изъ дому сутокъ по двое и это меня безпокоило, потому что общей кассой завѣдывалъ я, а онъ никогда не бралъ съ собой больше двугривеннаго, изъ которыхъ часть употреблялъ на продовольствіе, а остальное раздавалъ бѣднымъ. Случалось, что онъ заходилъ далеко въ окрестности, но иногда встрѣчалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ и пировалъ съ ними. Онъ не любилъ никакихъ разспросовъ.

Собственно о своемъ костюмѣ онъ заботился очень мало, такъ что надобно было надоѣдать ему, если предстояла необходимость заказать какія-нибудь вещи. На деревенскихъ помѣщичьихъ балахъ онъ не слишкомъ церемонился, но въ Кіевѣ другое дѣло. Было у насъ нѣсколько знакомыхъ изъ высшаго круга. Вотъ иной разъ съ утра Т. Г. и говоритъ, что, поработавъ хорошенько, не мѣшало бы вечеркомъ пойдти куда-нибудь въ гости. Я такъ и прилажу и ожидаю. Возвратится Тарасъ.

— А не хочецця мині натягать оттого фрака, щобъ вінъ слизъ (**).

— Такъ и не надо.

(*) Это такой злодѣй, что за грошъ готовъ зарѣзать человѣка, даромъ, что слѣпъ.

(**) А не хочется мнѣ натягивать фрака, чтобъ онъ пропалъ.

— А можебъ піти запросто.

— Я вижу, что тебѣ не хочется,—ну и посидимъ дома.

— А справді! Ходімъ лучче на Дніпро, сядемъ де небудь на кручі и запіваемъ (*).

И нерѣдко вмѣсто чиннаго салона мы отправлялись къ Днѣпру, садились на утесъ и при видѣ великолѣпной панорамы пѣли пѣсни или думали каждый свою думу. Но случалось,—посѣщали и такъ называемые аристократическіе дома, гдѣ Шевченка принимали съ уваженіемъ, но гдѣ народный поэтъ тяготился присутствіемъ чопорныхъ денди и барынь, и раза два только я помню его разговорчивымъ и любезнымъ въ этомъ обществѣ. Никогда не забуду, какъ однажды, сидя въ довольно большомъ кругу за чаемъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ шопотомъ:

— Аже отто ромъ?

— Ромъ.

— Дивись же, ні одинъ сучій синъ не всипà (не наливаетъ).

— Да.

— Знаешъ же и я не питиму.

— Почему же и не подлить немного.

Въ это время хозяйка пододвинула ему флаконъ.

— Тарасъ Григорьичъ, не угодно ли съ ромомъ.

Тарасъ посмотрѣлъ на меня.

— Дякувать! Душно, сказалъ онъ (**).

Здѣсь была одна интересная особа и Шевченко увлекался разговоромъ. Держалъ себя онъ въ обществѣ свободно и съ тактомъ и никогда не употреблялъ тривіальныхъ выраженій. Это замѣтили даже и многія барыни. Когда мы вышли на улицу, ночь была лунная, и вѣтеръ едва шевелилъ вершины серебристыхъ тополей, которыми такъ изобилуютъ нѣкоторыя части Кіева. Шевченко предложилъ пройдтись дальнимъ путемъ, т. е. чрезъ Липки къ саду, и мимо костела подняться на Старый Кіевъ.

(*) И въ самомъ дѣлѣ. Пойдемъ лучше на Днѣпръ, сядемъ гдѣ-нибудь на утесъ и запоемъ.

(**) Благодарю! Жарко.

— На чортоваго батька воли ставлять оттой ромъ, коли и губъ ніхто не умочить, молвилъ Шевченко и засмѣялся. Сказано паны — у іхъ усе на показъ тільки (*).

— Напрасно ты церемонишься.

— Ні, не люблю я у такій бе́седі ні чарки горілки, ні шмотка хліба (**).

Зато любилъ онъ простоту семейнаго быта, и гдѣ принимали его не пышно, но искренно, онъ тамъ бывалъ необыкновенно разговорчивъ, любилъ разсказывать смѣшныя происшествія—не анекдоты какъ покойный Основьяшенко, а непремѣнно что нибудь изъ бывалаго, въ чемъ онъ подмѣчалъ комическую сторону. У меня въ Кіевѣ жили родные, небогатые люди, но считавшіе за удовольствіе принять гостя, чѣмъ Богъ послалъ. У тетушки въ особенности подавали превосходный постный обѣдъ, какого дѣйствительно не найдти и у самаго дорогаго ресторатора. По старосвѣтскому обычаю старики соблюдали всѣ посты, и я въ одну изъ середъ или пятницъ познакомилъ съ ними Шевченка. Насъ, разумѣется, не отпустили безъ обѣда. Вся обстановка уже показала Т. Г., что насъ не ожидали никакія церемоніи. Старикъ дядя, коренной Полтавецъ, помнилъ всѣ малѣйшіе обычаи родимаго гостепріимства и произнеся извѣстную фразу «по сій мові, будьмо здорови» выпилъ прежде самъ рюмку настойки, а потомъ предложилъ гостю. Это очень понравилось послѣднему, и онъ принимаясь за рюмку, проговорилъ свою обычную поговорку:

— Якъ то ті пьяниці пьють отцю погань, нехай уже ми люде привичні (***).

Но когда Т. Г. съѣлъ нѣсколько ложекъ борщу, онъ не утерпѣлъ не признаться что если и ѣлъ подобный борщъ, то вѣроятно очень давно, да и врядъ ли когда случалось пробовать. Борщъ этотъ былъ съ сухими карасями, съ свѣжей капустой

(*) Зачѣмъ они ставятъ этотъ ромъ, когда никто и губъ не замочитъ. Извѣстно паны — у нихъ все только для показу.

(**) Нѣтъ, не люблю я въ такомъ обществѣ, ни рюмки водки, ни куска хлѣба.

(***) Какъ то эти пьяницы пьютъ такую гадость, пусть уже мы люди привычные.

и какими то особенными приправами. Подали потомъ пшенную кашу, вареную на роковой ухѣ съ укропомъ, и Шевченко совершенно растаялъ. Старики утѣшались, что могли доставить удовольстіе такому дорогому гостю, а онъ отъ маловажнаго, по видимому, обстоятельства — пришелъ въ необыкновенно хорошее расположеніе духа, и мы просидѣли, я думаю, за столомъ часа три. Послѣ того нѣсколько разъ по желанію Шевченка мы ходили обѣдать въ постные дни къ старикамъ, только бывало я заранѣе предварю тетушку и постный борщъ удавался, какъ нельзя лучше. Даже нынѣшнею зимою въ ресторанѣ Вольфа напомнилъ онъ мнѣ какъ-то о нашихъ постныхъ обѣдахъ на Крещатикѣ.

Во время прогулокъ онъ говорилъ мнѣ, что хотѣлось бы ему написать большую картину. По его словамъ и мысль у него шевелилась и планъ иногда не ясно мелькалъ въ воображеніи; но Шевченко сознавалъ самъ, что родился болѣе поэтомъ, чѣмъ живописцемъ, потому что во время обдумыванія картины «хто іого зна—відкіль несецця, несецця пісня, складаюцця стихи, дивись ужѣ и забувъ про що думавъ, а мерщій запишешь те що навіялось» (*).

Любилъ онъ и уважалъ природу. Блуждая съ нимъ по лѣсамъ надъ Сулой и Слѣпородомъ, мы бывало просиживали у норки какого нибудь жучка и изучали его незатѣйливые нравы и обычаи. Большое удовольствіе доставляли Шевченку крестьянскія дѣти, которыя въ деревняхъ обыкновенно цѣлые дни проводятъ на улицѣ. Т. Г. не разъ садился къ нимъ въ кружокъ и, ободривъ пугливое общество, разсказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ множество, серьезно дѣлалъ пищалки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность всѣхъ ребятишекъ. Никогда не забуду одного приключенія. Ушелъ онъ какъ-то рано рисовать развалины Золотыхъ Воротъ, возлѣ которыхъ въ то время неотстраивалась еще эта часть города, и сказалъ, что возвратится вечеромъ. Золотыя Ворота были близко отъ нашей квартиры. Я полу-

---

(*) Кто его знаетъ, откуда несется, несется пѣсня, складываются стихи,— смотри уже и позабылъ, о чемъ думалъ, и поскорѣе запишешь то, что навѣялось.

чилъ записку, которую насъ приглашали на чай и хотѣлъ увѣдомить Т. Г., чтобъ никуда не зашелъ, потому что у знакомыхъ, куда насъ звали, онъ всегда бывалъ съ удовольствіемъ. Прихожу къ Золотымъ Воротамъ и что же вижу? Т. Г. разостлалъ свой цвѣтной платокъ, на который посадилъ трехлѣтнюю дѣвочку и изъ лоскутковъ бумажки дѣлалъ ей какую-то игрушку. Онъ разсказалъ мнѣ свое приключеніе. Часу въ пятомъ Т. Г. сидѣлъ и работалъ, какъ за валомъ внизу послышался дѣтскій плачъ, на который онъ сперва не обратилъ никакого вниманія. Но плачъ не умолкалъ и становился сильнѣе. Мѣсто пустое. Шевченко не выдержалъ, пошелъ по гребню вала и заглянулъ въ низъ. Во рву сидѣло дитя и жалобно плакало. Возлѣ ни души, лишь нѣсколько телятъ паслись въ отдаленіи. Онъ пробѣжалъ шаговъ двадцать,—никого. Нечего дѣлать, надо было спуститься и взять ребенка. Дѣвочка перепугалась и заплакала еще сильнѣе. Успокоивъ ее на сколько было можно, Т. Г. понесъ свою находку къ Золотымъ Воротамъ. Ему какъ то удалось забавить ее, но добиться толку не было никакой возможности, потому что дѣвочка лепетала «мама», «няня» и больше ни слова. Давалъ онъ ей бублика (баранокъ), но дитя не могло укусить и все повторяло только «мама» «няня». Т. Г. не зналъ что дѣлать. Два, три прохожихъ постояли, посмотрѣли и не признавали дѣвочки, а ему и не хотѣлось утерять чуднаго освѣщенія и вмѣстѣ жаль было оставить дѣвочку возлѣ себя въ жертву страха и конечно голода. Я пришелъ кстати и тотчасъ же отправился въ сосѣдніе дома, которыхъ было вблизи весьма немного. Нигдѣ однакоже не знали дѣвочки. Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы рѣшились идти домой и объявить въ полиціи. Я взялъ портфель, Т. Г. ребенка и такимъ образомъ дошли мы до Софійскаго Собора. Молодая женщина въ домашнемъ костюмѣ, съ испуганнымъ видомъ выбѣжала изъ переулка и увидя насъ бросилась къ намъ на встрѣчу.

— Мати! сказалъ Шевченко и не говоря ей ни слова подалъ ребенка.

Оказалось, что нянька унесла дѣвочку гулять, но вѣроятно встрѣтила на дорогѣ знакомую или знакомаго, хорошенько выпила и завалилась во рву спать, а дитя пошло и пошло

вдоль по канавѣ. Ребенокъ былъ нѣсколько часовъ въ отсутствіи изъ дому. Какая то старушка, проходя подъ валомъ увидѣла пьяную няньку и, не зная, что у нея было дитя на рукахъ, поспѣшила только съ одной новостью. Развязка извѣстна. Возвращаясь домой, Т. Г. смѣялся, какъ бы онъ воспитывалъ дочь, если-бы у дѣвочки не отыскались родители.

Что касается до любви въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то за все время моего знакомства съ Шевченкомъ, я не замѣтилъ въ немъ ни одной привязанности, которую можно было-бы назвать серьезною. Онъ любилъ женское общество и увлекался, но никогда на долго. Какъ молодые люди, начнемъ бывало объ этомъ разговоръ, и стопло только напомнить ему какое нибудь его увлеченіе, онъ обыкновенно отзывался:

— Ахъ! дурниця! Поки зъ нею балакаю, то буцімъ то щось и ворушиця у серці, а тамъ и байду-же (*).

Но къ одной особѣ онъ возвращался раза три, т. е. по крайней мѣрѣ раза три при встрѣчѣ съ нею онъ увлекался. Давно, еще въ первыя времена знакомства нашего, онъ долго сидѣлъ возлѣ нея на балѣ и все просилъ у нея на память хоть одинъ голубой цвѣтокъ, которыми отдѣлано было платье. Молодая женщина шутила и шутя отказывала. Т. Г. однакоже изловчился и оторвалъ цвѣтокъ. Такъ это и кончилось. Года черезъ два случайно увидѣлъ я у него этотъ знакъ воспоминанія. Т. Г. смѣшался немного.

— Славна молодичка, сказалъ онъ мнѣ—и така пріятна, що здаецця й забудешъ, а побачишъ, то зновъ такъ тебе й тягне (**).

Завлекся было на короткое время онъ одной извѣстной красавицей, которая кружила головы всѣмъ, кто попадалъ въ заколдованный кругъ ея. Увлеченіе было сильное. Шевченко не на шутку задумывался, рисовалъ ея головку

(*) Э, вздоръ. Пока съ нею разговариваю, то словно что-то и шевелится въ сердцѣ, а послѣ и ничего.

(**) Славная женщина и такая ласковая, что кажется и забудешь, а увидѣлъ—снова такъ тебя и тянетъ.

и нѣсколько разъ сочинялъ стихи. Я всегда былъ радъ, когда кто нибудь ему нравился: благородная натура эта дѣлалась еще художественнѣе, и онъ работалъ тогда съ бо́льшимъ рвеніемъ. Скоро однакоже онъ разочаровался относительно красавицы. Пригласила она какъ-то его утромъ — прочесть ей одну поэму и сказала что у нея никого не будетъ, что она желала бы одна насладиться чтеніемъ. Т. Г. исполнилъ ея желаніе. Шелъ онъ къ ней съ какимъ-то трепетомъ. Но какая же встрѣтила его картина? Въ уютной гостиной красавица сидѣла на диванѣ, окруженная студентомъ, гусаромъ и толстѣйшимъ генераломъ — тремя отъявленными своими обожателями и искусно маневрировала по своему, обманывая всѣхъ троихъ, то лаская по очередно надеждой, то приводя въ отчаяніе. Поэтъ смутился, и какъ прелестная хозяйка ни атаковала его любезностью—онъ ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ никогда не посѣщать красавицы, и сдержалъ свое слово.

Вотъ стихотвореніе, написанное по этому случаю:

Не журюсь я, а неспиця,
Часомъ до півночі,
Усе світять ті блискучі
Твоі чорні очі.
Мовъ говорятъ тихесенько
«Хочъ, небоже, раю?
Винь у мене тутъ у серці»
А серця немае,
Й небуло іего ніколы,
Тільки шматокъ мняса ...
На щожъ хороше и пишно
Такъ ти росцвілася?
Не журюся, а не спиця
Часомъ и до світа,
Усе думка побивае
Якъ бы такъ прожити,
Щобъ ніколи такі очі
Серця не вразили,

Еще я помню одно увлеченіе въ Кіевѣ. Рисуя Лавру и ея подробности, онъ познакомился съ пріѣзжимъ семействомъ богомольцевъ, въ которомъ была очень хорошенькая молодая дѣвушка. По вечерамъ Шевченко началъ пропадать и неговорилъ, гдѣ просиживалъ до полуночи, и такъ какъ у насъ было въ обычаѣ не спрашивать другъ у друга отчета, то я нѣсколько дней не зналъ, что поэтъ увлекается. На живописной дикой тропинкѣ, ведшей изъ царскаго сада на Подолъ прямо чрезъ скалистый берегъ, я однажды нечаянно увидѣлъ Т. Г. въ незнакомомъ обществѣ, состоявшемъ изъ двухъ старухъ, нѣсколькихъ дѣтей и хорошенькой дѣвушки. Послѣдняя откинула воаль. Раскраснѣвшееся личико ея, окаймленное свѣтлыми волосами, было замѣчательно. Смѣясь чистымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, она слушала Т. Г., который спускаясь рядомъ съ нею, разсказывалъ ей должно быть что нибудь забавное. Я подымался въ гору. Т. Г. только спросилъ меня, куда я иду, и сказалъ, что провожаетъ знакомыхъ въ Братскій монастырь. На третій день онъ былъ очень скученъ и признался мнѣ въ своемъ увлеченіи. Незнакомое мнѣ семейство уѣхало уже въ деревню. Дѣвушка эта была за кого-то сговорена и въ сентябрѣ назначили свадьбу. Онъ любилъ женщинъ живаго характера; по его мнѣнію женщинѣ были необходимы пылъ и страсть—«щобъ підъ него земя горіла на три сажні».

Погибшія, но милыя созданья, въ то время не увлекали Шевченка; у него были на этотъ счетъ свои оригинальныя понятія. Онъ не находилъ никакого удовольствія посѣщать веселые пріюты продажныхъ грацій, хотя никогда не казнилъ ихъ презрительнымъ словомъ. Онъ былъ слишкомъ гуманенъ, и по слабости смотрѣлъ снисходительно, стараясь въ самой грязи найдти хоть крупинку золота. На продажную любовь, на женщину, отдававшуюся страсти, онъ говорилъ, «можно махнуть рукою»; но тайный развратъ, какими бы цвѣтами ни прикрывался, всегда возбуждалъ въ душѣ его неодолимое отвращеніе.

Гуманность его проявлялась въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ движеніи; на животныхъ даже простиралась у него ласкающая нѣжность. Не разъ защищалъ онъ котятъ и щен-

ковъ противъ злостныхъ намѣреній уличныхъ мальчишекъ, а птичекъ, привязанныхъ на своркѣ, покупалъ иногда у дѣтей и выпускалъ на свободу. Мы жили близко базара и я помню, какъ бывало утѣшается онъ и зоветъ меня къ окну, когда какая нибудь собаченка, утащивъ кусокъ хлѣба или баранокъ, боязливо пробиралась подъ заборомъ. Одна возмутительная сцена чуть не стоила намъ дорого. Въ Кіевѣ въ то время полицейскіе служители, имѣвшіе обязанность бить собакъ, называемые по мѣстному гицелями, отправляли свое ремесло публично среди бѣла дня на многочисленномъ базарѣ. Они ходили вооруженные длинною палкой съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ и другой короткой дубиной (добивачъ). Поймавъ животное крючкомъ, они оканчивали его дубиной и иногда долго мучили животное. Проходя на «Козье Болото», мы какъ-то разъ попали на подобную сцену. Гицель схватилъ большую собаку за ребро и, не совсѣмъ убивъ ее, тащилъ полуживую между городомъ. Т. Г. вышелъ изъ себя и упрекнулъ живодера. Гицель отвѣтилъ грубо и тутъ же началъ тиранить собаку, которая визжала раздирающимъ образомъ... Шевченко выхватилъ у него дубину... Полтинникъ однакоже уладилъ дѣло; гицель однимъ ловкимъ ударомъ добилъ животное, но Т. Г. долго не могъ придти въ себя отъ волненія.

Къ этой же эпохѣ относится наше знакомство съ г. Аскоченскимъ, нынѣ редакторомъ слишкомъ извѣстной «Домашней Бесѣды», а тогда экс-профессоромъ духовной академіи, воспитателемъ генералъ-губернаторскаго племянника и поэтомъ: такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые называли его въ Кіевѣ. Редакторъ «Домашней Бесѣды» не обнаруживалъ тогда духоярой нетерпимости и не предавалъ еще анаѳемѣ всего свѣтскаго и современнаго, какъ дѣлаетъ это въ настоящее время, но, настроивъ лиру свою на элегическій тонъ, бряцалъ по ней весьма чувствительныя пѣсни. Сей мужъ, карающій сурово все живое и мыслящее, смотрящій на произведенія искусствъ сквозь мутные очки средневѣковаго аскетизма, горячо вступающійся за юродиваго Ивана Яковлевича, читалъ намъ свои стихотворенія, выражавшія земныя страсти и, надо отдать ему справедливость, необнаруживалъ

стремленія, которое могло бы обличить въ немъ будущаго редактора изданія, дѣлающаго стыдъ, не говорю уже литературѣ, но даже печатному станку, передающему его на бумагу. Я упомянулъ объ этомъ потому, что свидѣвшись послѣ долгой разлуки, Т. Г. съ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— А знаешъ ты, що «Домашнюю Бесѣду» выдае той самой Аскоченскій, котораго мы знали у Кіеві. Чи мижно було надіятись.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Кіевѣ, Шевченко одно время вздумалъ было учиться по французски и вѣроятно при громадныхъ способностяхъ не замедлилъ бы успѣть въ своемъ предпріятіи, — но послѣ охладѣлъ — и объ этомъ не было помину.

Неожиданно мнѣ пришлось уѣхать домой. Когда я объявилъ Шевченку, что карманъ мой въ жалкомъ состояніи— онъ досталъ денегъ, далъ мнѣ на дорогу и выпроводилъ до Днѣпра. Прощаясь съ нимъ на мосту, я не зналъ, что разстаемся на долго... Мы свидѣлись ровно черезъ четырнадцать лѣтъ въ сентябрѣ прошлаго года, по моемъ возвращеніи изъ путешествія по югу Россіи. Войдя въ мастерскую Т. Г. въ академіи, я засталъ его за работой: онъ гравировалъ. На вопросъ мой узнаетъ-ли меня, Шевченко отвѣчалъ отрицательно, но сказалъ, что по голосу, кажется, не ошибся и назвалъ меня по имени. Я бросился было обнять его, но онъ замѣтилъ по русски:

— Не подходите—здѣсь вредныя кислоты. Садитесь.

Минута эта была для меня чрезвычайно тягостная. Т. Г. постарѣлъ, лицо измѣнилось, но въ глазахъ его блестѣлъ тотъ же тихій свѣтъ мысли и чувства, какого я не могъ забыть послѣ долгой разлуки, Мы поговорили не много. Онъ былъ холоденъ, и хоть нѣсколько разъ самъ припоминалъ прошедшее, однако не такъ, какъ ожидалось мнѣ отъ этого свиданія... Я ушелъ домой взволнованный и унесъ въ сердцѣ то чувство скорби, какое человѣкъ можетъ вылить или въ жаркихъ слезахъ или вдохновенными стихами. Подобное охлажденіе съ его стороны я приписывалъ долгимъ страданіямъ и рѣшился затаить въ сердцѣ еще одну утраченную надежду, можетъ быть лучшую и послѣднюю въ жизни.

Вскорѣ встрѣтился я съ нимъ у В. М. Б. Шевченко подошелъ ко мнѣ, сказалъ нѣсколько словъ и послѣ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ лаконически, говоря мнѣ «вы» что и меня заставило обратиться къ этому же мѣстоименію. Я считалъ все конченнымъ между нами, но какъ ни тяжело было мнѣ подобное состояніе, — я далъ себѣ слово избѣгать даже тѣни навязчивости. Черезъ недѣлю встрѣтились мы снова у Б.... Поздоровавшись, мы все время бесѣдовали въ разныхъ кружкахъ. По странному случаю, уходили мы вмѣстѣ и очутились въ передней. Съ лѣстницы сошли молча. У подъѣзда не было извощиковъ.

— Вы до дому направо? спросилъ я.

— Ні піду по Невскому, може зайду до Вольфа.

— Такъ намъ до Невскаго по дорозі.

— Отъ и добре.

Мало по малу Шевченко разговорился. Дойдя до проспекта, я продолжалъ разговаривать и мы очутились у Полицейскаго моста.

— Може зайдемъ у купі (вмѣстѣ)? сказалъ онъ.

— Зайдемъ, отвѣчалъ я.

Посѣтителей было мало. Т. Г. спросилъ себѣ порцію чего-то, я закурилъ сигару и тутъ онъ самъ съ обычной, прежней откровенностью выразилъ мнѣ причину своей холодности. Разумѣется въ двухъ словахъ я разъяснилъ, въ чемъ дѣло, и съ тѣхъ поръ возвратились наши прежнія отношенія. Въ этотъ памятный для меня вечеръ онъ много и съ особенной любовью говорилъ мнѣ о Маркѣ Вовчкѣ и томъ впечатлѣніи, какое произвели на него первыя «Оповідан-ня».

Послѣднее мое свиданіе съ Тарасомъ знаютъ читатели «Русскаго Слова».

Въ этомъ очеркѣ я собралъ всѣ факты, сохраненные моею памятью, не стараясь восхвалять такую замѣчательную личность, какъ Шевченко и не скрывая его слабостей. Я далекъ отъ мысли дѣлать изъ дорогаго мнѣ человѣка нѣчто въ родѣ безупречнаго героя, но разсказалъ то, что было въ дѣйствительности, зная его близко и живя съ нимъ въ лучшую эпоху его творческой дѣятельности. Я ничего не утаилъ, ни-

чего не прибавилъ, и считаю, что обязанъ былъ писать эту статью такъ, а не иначе.

Не буду здѣсь касаться его поэтическихъ твореній, которыя пріобрѣли всеобщую извѣстность, не смѣю ничего сказать о произведеніяхъ его кисти, потому что я не судья въ этомъ искусствѣ; но не могу не выразить, что желательно было бы видѣть полную и совѣстливую оцѣнку этого замѣчательнаго таланта. О живописи судить есть много спеціалистовъ, а о поэзіи Шевченка долженъ написать правдивое и теплое слово—непремѣнно Украинецъ, потому что русскіе критики, незнакомые съ нашимъ языкомъ и его оттѣнками, по большей части не знающіе быта народа, который описывалъ поэтъ, могутъ впадать въ невольныя ошибки и могутъ назвать невѣрностью то, что̀ просто списано съ натуры. Я говорю это потому, что недавно слышалъ еще упрекъ Шевченку въ сентиментальности, именно за черту, которая съ незапамятныхъ временъ служитъ отличительною чертою украинскаго простолюдина. Упрекъ этотъ сдѣланъ на томъ основаніи, что подобнаго факта критикъ не видѣлъ въ деревняхъ, а между тѣмъ онъ не знаетъ малорусскаго племени. Память Шевченка требуетъ должнаго мѣста поэту въ ряду лучшихъ писателей нашихъ, мѣста, на которое онъ добылъ право сразу, онъ, бѣдный дворовый крестьянинъ, выкупленный участіемъ лучшихъ людей,—но котораго не давали ему критики, а изъ нихъ одинъ даже глумился надъ нимъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ. Конечно, оцѣнить сочиненія Шевченка — дѣло̀ трудное, потому что въ печати явилась, можетъ быть, половина имъ написаннаго, другая—врядъ ли и явится, по крайней мѣрѣ не скоро, бывъ частью разбросана по разнымъ мѣстностямъ, листками въ разныхъ рукахъ, частью утраченная навсегда. Но все же Украинецъ, которому не незнакомы хоть отрывки потерянныхъ стихотвореній, если примется за дѣло съ любовью, можетъ исполнить трудную задачу съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, кто долженъ писать, руководствуясь неудачными переводами или мнѣніями такъ называемыхъ, знатоковъ или, наконецъ, при помощи неполнаго знанія языка украинскаго и этнографіи.

Друзья покойнаго собрали сумму, выхлопотали разрѣшеніе и повезли прахъ Тараса туда, гдѣ....

Могили
Чорніють якъ гори,
Та про волю нишкомъ въ полі
Зъ вітрами говорять.

1861. Мая 8.
Петербургъ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 211 864 5

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 211 864 5